

Шорина Ольга

Черная тетрадь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Евгеньевна Шорина
Чёрная тетрадь
Серия «Разноцветные
тетрадки», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610183

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-09528-1

Аннотация

"Увидев его живым и здоровым, благополучно дожившим до глубокой старости, не потерявшим ни здоровья, ни недвижимости, ни даже старухи-матери, я перестала верить в Бога, в Его Божественную справедливость. И вообще, вера – удел обделённых людей", – напишет Алина Подсолнухова в своём дневнике 20 лет спустя. Очередная часть из "романа в дневниках", "романа в тетрадях" "Обрушенная жизнь". Их цвет случаен и не связан с зафиксированными событиями. "Чёрная тетрадь" ещё не открывает тайн "Лиловой" и даже напускает немного тумана. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо предисловия	5
Запись на обложке	7
1 марта 1999, понедельник	8
Заметки на полях 20 лет спустя	10
2 марта 1999, вторник	11
3 марта 1999, среда	13
4 марта 1999, четверг	15
5 марта 1999, пятница	16
7 марта 1999, воскресенье	17
8 марта 1999, понедельник	18
9 марта 1999, вторник (ночь)	19
Заметки на полях 20 лет спустя	21
9 марта, вторник (вечер)	22
10 марта 1999, среда	23
Заметки на полях 20 лет спустя	24
11 марта 1999, четверг	26
12 марта 1999, пятница	27
13 марта 1999, суббота	29
Заметки на полях 20 лет спустя	31
14 марта 1999, воскресенье	32
Заметки на полях 20 лет спустя	33
Заметки на полях 20 лет спустя	36
14 марта 1999, воскресенье	37

15 марта 1999, понедельник	39
16 марта 1999, вторник	40
Заметки на полях 20 лет спустя	41
17 марта 1999, среда	42
19 марта 1999, пятница	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ольга Шорина

Черная тетрадь

Вместо предисловия

«Привет, ну, я прочитал «Лиловую тетрадь». В целом, мне понравилось. Задумка интересная. Конечно, таким произведение должно быть про то время, в котором жило поколение, родившееся в то время. Вообще, мне показалось, что героиня очень позитивный человек с прагматичным взглядом. Она не ожидала многого, но и не стояла на месте. Жила как могла, как и все тогда. Произведение – не про справедливость, а про срез общества. Глазами девушки, оставшейся человеком вопреки обстоятельствам.

P. S. Спасибо, что посвятила мне, очень приятно.

Виталий Кириллов» (писатель и психолог, автор интеллектуальной и философской прозы).

05.07.2019 года.

*Когда режутся птицы ранней весной,
Когда над душой вскипает гроза,
Когда о предательстве каркает ложь.
Когда о любви визжат тормоза.
А те, в кого верил, ушли далеко,*

И движения их не верны.

И в холодную рань подзаборная дрянь вырезает тебе на груди

Предчувствие гражданской войны.

Юрий Шевчук, "Предчувствие гражданской войны".

Запись на обложке

Я снова была здесь, в этом не гостеприимном доме, – стояла на площадке между этажами и смотрела на до боли знакомую, чёрную, утеплённую ещё в советские времена, дверь. Душу сковывал лютый страх.

Господи, ну зачем я опять пришла сюда?!

И я в ужасе скатилась с лестницы.

А на улице – ноябрь, лютый мороз, но снега нет. И одета я не по сезону. Села во дворе на непонятное сиденье, – что-то для детишек. Нет, пойду-ка я отсюда.

Прямо на станции располагалась воинская часть. Забор из свежих сосновых досок. Я полезла в дырку, но меня тут же поймали. Сказали ласково, что меня надо бы расстрелять, да ладно...

И я проснулась.

1 марта 1999, понедельник

Уже весна, а зарплаты нет с лета. Да её и не должно быть, между нами, девочками, говоря.

Тяжёлое небо, тучи – как аэростаты во время войны. Точнее, я вообще не могу представить себе такой ужас.

В бабушкином подъезде у меня есть маленький друг, – чёрный толстенький котик с круглой мордочкой. Я ему всегда "сухарики" приношу.

Бабушка говорит, что его выкинула «Валька» из двадцать пятой. Сама она к страданиям животных равнодушна, но, если надо, покормит.

Я открыла ящик, извлекла почту, а котик трётся о ноги. Сейчас, сейчас, маленький, подожди...

И тут влетает баба пенсионного возраста, и пинает его. Ну и получила от меня такую лавину мата, что, пребывая в состоянии шока, ничего по первости и не возразила.

– Так он же просит! Я помочь хотела!

– Не просят, не делай. Сука!

У бабы стали такие удивлённые глаза, будто у меня на башке в одну секунду выросли оленьи рога, да ещё и лосиные в придачу, и она сказала:

– Сама ты сука!

Всё, я больше сюда ни ногой. Так можно и в тюрьму сесть.

Вы скажете, что я срываю зло на несчастной, подвернув-

шейся под руку женщине? Просто это уже не в первый раз, и в голове будто кассета включается. И состояние – восхитительное, полутрансовое.

Это отчим мне такую «музыку» на подкорку записал. Раньше это на неделю затягивалось: приходит вечером пьяный, и сплошной мат в мой адрес: и сучка я ..., и падла

Так что вы тогда от меня хотите?

До сих пор трясёт.

Заметки на полях 20 лет спустя

Теперь я знаю, что любой матерщинник – это маг, служитель сатанинского культа. Отсюда и транс.

2 марта 1999, вторник

Встала сегодня рано, задолго до восьми. Весна! А мне никуда не нужно.

Мне стыдно, но я очень много плачу. От бессилия и обиды.

Каждое утро я встаю и одеваюсь, будто на работу. Но у меня нет сил, мне хочется спать. И я ложусь в одежде на диван. Если кто-то придёт с проверкой, то всё будет выглядеть так, будто я забежала с работы на минутку.

Меня всегда контролировали, как самую страшную преступницу. Мама раньше работала на площади и забегала по нескольку раз в день. У отчима рабочий день может и кончиться до обеда, и затянуться до ночи. И бабушка, работая в «молочном магазине», умудряется прийти в любое время. Один дед не явится, у него нет ключей, и он тоже работает, на ткацком предприятии. Одна я...

Как же я боюсь и ненавижу нашу квартиру! Я сижу в большой комнате и смотрю на белую деревянную «коробку» двери. Хотя у нас все работают, на косметический ремонт денег всё равно нет. И так мне жутко в этой обветшалой комнате с отставшими от стен обоями!

Я не всегда сплю в одежде на диване, я пишу дневник и слушаю радио. Я «дочитала ушами» французскую детскую повесть из фондов о двух девочках, приехавших в деревню

к жадной тётке. В начальной школе, на летних каникулах, услышала начало, а сегодня, десять лет спустя, – окончание. А вот рассказ от имени матрёшки, трогательный до слёз. Сценарий написала Ольга Хмелёва, звукорежиссёр или звукооператор на радио России.

Была в Жегалове. Там остановки интересные, – каменные, мозаичные.

3 марта 1999, среда

И опять я, как приبلудная сучка, пыталась связаться с Сафроновым! Так, наверное, ещё в 70-е «порченные» им «девки» преследовали его, умоляя жениться. Не могу я ждать! Мне нужно, чтобы меня успокоили!

Сначала обратилась в ВООП, – интересно, что же там. Раздался неживой и строгий голос Лепёхиной:

– ...что дальше? Алло!

Я позвонила в «семейное гнездо». Подошла Зоя Сафронова.

– Алло, здравствуйте! А вы не можете подсказать, где я могу застать Михаила Викторовича?

Добродушно и растерянно:

– Ой, даже не знаю...

В два часа звоню на площадь Ленина:

– Мне – Сафронова! – грубым, вульгарным голосом сказала я.

– Его нет, позвоните попозже, – подобострастно ответила дворовая девка.

Она меня точно не узнала, да мембрана искажает и её голос.

– Попозже, это когда?

– Да что ты рвёшься на эту работу, отдохни дома! – удивилась Наташа.

Я звонила от неё.

4 марта 1999, четверг

Была всего на волосок от смерти. Бабушка пришла сегодня вечером с вкусными слоёными булками и говорит:

– Я звонить тебе на работу не стала, думаю: чего беспокоить?

5 марта 1999, пятница

Всё растаяло. Грязь! Лужи! Да какие лужи – моря!

Мама всю неделю подкатывает:

– Так вам на 8 Марта должны хоть по ручке подарить!

Чтобы *Сафронов* что-то кому-то подарил?! Ха-ха! Жадная тварь!

Откуда это? «Собачье сердце», самое начало.

7 марта 1999, воскресенье

Звонила и сегодня. Всё, неделя же истекла! Подошёл сын, с которым я так мечтала познакомиться...

– Я могу говорить с Михаилом Викторовичем?

– А его нет. Вечером будет.

– А вы не знаете, завтра его можно будет застать?

– Наверное! Так вы вечером можете позвонить...

Но я уже клала трубку. Откуда мне ему звонить?

8 марта 1999, понедельник

Такую оплеуху я сегодня получила – будь здоров! Такой чёрной жизнь, как в этот праздник, мне никогда ещё не казалась.

Дверь на ключ, и свинцом – тоска,
Боль в душе, словно смерть близка.
Один лишь шаг может всё решить,
Теперь – ты враг, я не знаю, как мне жить...
Как дальше жить?

Мне колдун предсказал печаль,
Долгий путь в грозовую даль.
Он, словно зверь, чуял дым беды,
Закрыта дверь, ливень смывает все следы...
Так хочешь ты.

Всё что было – свет мой,
Чистый и святой.
Всё что было – рок мой,
Жадный и слепой.
Всё, что будет – крест мой:
Семь кругов пройти мне в огненной пустыне
Словно проклят я!

9 марта 1999, вторник (ночь)

На женский праздник резко похолодало, снова пошёл снег. После обеда я опять пошла к Наташе – звонить.

Открыл дед Илья. Мы с ним не ладим.

– Здравствуйте. А Наташа дома?

– Наташа? Нет, нет её! – замахал он руками.

– А можно от вас позвонить?

– Пожалуйста.

И когда я стала нервно набирать номер, с кухни вышла Наташа в своём синем халате с цветочками и ласково коснулась рукой плеча:

– С праздником!

Понятно, я до того его достала своими визитами, что дед стал мне тупо врать!

Жена с дочкой мне сказали, что Сафронов у матери. Звоню туда. Бабка радостно обещает его позвать.

– Во-первых, с праздником. Во-вторых, – и трубка взревела, – тебе же сказали: *не звонить*. Тебе записку в ящик бросят. Поняла?

– Поняла... – и трубка запикала.

И слёзы полились через край. Всё, это всё.

Наташа испугалась:

– Алечка, водички? Что случилось?

Я молчу.

– Не хочешь, не говори. Я понимаю, что у вас там что-то страшное творится. Я же говорила тебе: не хвали его, сглазишь!

Это я Сафронову дифирамбы пела: «Какой у меня хороший начальник! Всегда поддержит, всегда утешит!..»

А дома я лежала в темноте на диване лицом вниз и рыдала. Всё, это всё.

– Ты смотрела вчера «Основной инстинкт»? – спросила Наташа.

– Порнуху эту?

Голос у меня от потрясения – пьяный, язык заплетается.

– Почему сразу «порнуху»? Психологический триллер!

Фильм о скрытом сатанинском культе. Так и кажется, что сейчас войдут люди в балахонах.

Однако... а этот Майкл Дуглас так похож на Сафронова! Сафронов с голой задницей, ха-ха!

Заметки на полях 20 лет спустя

А потом я «Не говори ни слова» посмотрела. Майкл Дуглас, врач-психиатр, образцовый семьянин. Его дочку похитили. Одна из пациенток – вылитая Элизабет. Он приносит ей картинку и лохматую куклу, так похожую на героиню какого-то советского мультфильма. Рисунок девочка, притворяющаяся безнадежно больной, порвала в клочья, а куклу стала баюкать...

И опять ассоциации. Дался мне этот урод! Ещё и Олег Штефанко в сериале «Господа-офицеры»!

9 марта, вторник (вечер)

Я решила съездить в Чижово. Села у дома на двадцать третий. Какая же в лесу нежная, зелёная хвоя!

На автостанции какая-то дура стала запихивать огромную фиолетовую коляску. Разумеется, что никто не помог.

И вдруг автобус вернулся назад! Это и есть Чижово? Красивые высотные дома. А я думала, частный сектор.

Так я дошла до Гребнева. Так интересно! Маленькие домики – словно волна, набегающая на скалы проезда Десантников!

Я там во дворе по льду проехала и на колени упала. Так ведь можно и опять травму получить. Сколько их этой зимой было, битых-ломаных!

А дома мама скандалит с отчимом, да с такой ненавистью! Господи, и так все друг друга ненавидят, а им это – развлечение!

10 марта 1999, среда

Снова весна. Солнце, весёлая капель.

Принесла Бурундуковой все её книжки, а у неё – какое-то собрание соседей. Она пожаловалась, что сейчас все будут обсуждать её, как раньше на товарищеском суде.

Живём по старинке, по-простому, по-советскому.

– «Чужую маску» я ещё не прочитала, – сказала она. – Там ещё продавались «Мужские игры» в двух томах, – разоришься так эти книжки покупать. Буду ждать, пока одной выйдет.

А у меня опять слёзы стали набухать.

– Расслабься! Посмотри, какая погода, – весна!

Понятное дело, что приходить больше не стоит.

«Не учащай входить в дом друга твоего, чтобы он не наскучил тобою и не возненавидел тебя».¹

¹ Книга Притчей Соломоновых, 25:17 (конкретно – «Мудрые изречения Соломона, собранные слугами Езекии, царя Иудеи»).

Заметки на полях 20 лет спустя

Это у нас Синодальный перевод, а вот другие варианты:

«Пореже ходи в дом друга – иначе, устав от тебя, он тебя возненавидит» (Новый русский перевод);

«Не ходи часто в дом друга своего, чтобы ты не надоел ему и не стал ему ненавистен» (под редакцией Кулаковых).

И заодно и про Наташиных соседей с их «коммуной»:

«Также не ходи слишком часто в дом соседа твоего, иначе он возненавидит тебя» (Перевод Международной Библейской лиги).

* * *

А Бурундукова, у неё другая жизнь. Не только мошенническая учёба во множестве учебных заведений по фальшивым аттестатам, выправленных матерью, сколько пьянки-гулянки с другими «стюдентами». Она сказала, что её дед на Женский день соврал мне, что её нет, не потому, что я зачистила, а просто она отсыпалась после пьянки со студиями в Москве. Всё причитала, как тогда, на Новый год:

– Ой, как мне плохо! Я уже и активированный уголь выпила! Тебе хорошо, ты не пьёшь! Говорят, капустный рассол помогает!

А дед считает, что я мешаю их алкашке учиться! Да она и

не ходит никуда, всё дома сидит. По комнате раскидано нижнее бельё, книжки закладывает картонками от весьма неприличных вещей.

Мне нравится его бесить. Как когда-то и мать Летовой. Как он, такое хамло, такой грозный, совершенно беспомощно причитает:

– Наташа, ты уже час с одной девочкой занимаешься!

А может, зря я назвала Алкашку Алкашкой? Надо было так прозвать Бурундукову. А Алису – Фашисткой. За её деяния.

11 марта 1999, четверг

В понедельник, приехав из Гребнева, я стала читать «Стилиста» Марининой.

«И эту жизнь ему придётся как-то прожить, хочется ему этого, или нет».

Это думы ещё не старого инвалида-колясочника в роскошном, специально оборудованном коттедже на самом юге Москвы. И до чего они созвучны моим!

«Ты сидишь в клетке, а вокруг тебя летают бабочки».

А это образ из японской поэзии.

12 марта 1999, пятница

Сегодня вновь поехала во Фрязино. Я с детства очень люблю этот маленький, просто игрушечный, городок.

В этот раз дошла до Вокзальной улицы, а там солдаты:

– Извините, у вас рубля не найдётся?

– Да я зарплату давно не получаю, извините...

У меня и правда всего пять рублей на обратную дорогу.

И мысль: ты – ничтожество! Никакой зарплаты тебе не положено!

Зашла на станцию Фрязино-Пассажи́рская, вокзал. Уютная такая, хорошенькая. Бездомный пёс лежал с краю, запорошенный снегом, как битым стеклом. Хоть бы в кассу заполз! Идут два пьяных мужика:

– А ну что это тут за шавка? Щас я её!

– Да иди, иди ты спокойно.

Ещё один Сафронов выискался, выродок! Только пьющий! А я всегда считала, что все мужики любят собак, и ненавидят кошек!

Хотя... Помню заметку в «Московском комсомольце» из рубрики «Срочно в номер!» Так рассказывалось о кобеле редкой разновидности догов. Пьяные мужики поспорили, отбили ему почки и напоследок... отрубили топором заднюю ногу. Отчим прочёл и отреагировал следующим образом:

– Ты это читала? Гы-гы-гы!

И я тоже тогда удивилась, как и сегодня.

А вот две девочки, лет четырнадцати-шестнадцати.

– Бедненький ты мой, что ж ты тут лежишь! – присаживается на корточки и гладит его стеклянную шерсть. – Так жалко, что не могу просто! – говорит она подружке.

А в окошечке кассы сидит жёлтая и полосатая, как оса, кошка, и смотрит на мир зелёными, как крыжовник, глазами.

Вот бы съездить в Гребнево! И посмотреть, далеко ли до Новофрязино. А может, к Алкашке в гости зайти? Повод есть – чашечку передать. Рассказать со смехом, как меня выкинули, как ненужный хлам.

Но этим днём я осталась довольна: хорошо погуляла.

А вечером мама со своей мистикой:

– Год назад с тебя сняли шкурку, сегодня у Виталия Ивановича день рождения, вчера у нашего Вити мать умерла. Так что месяц очень плохой.

Чем? Тем, что Сафронов меня предал и бросил на произвол судьбы, это да. Но дела давно минувших дней, дни рождения и смерти ушедших людей... бред.

13 марта 1999, суббота

Газета «Завтра» – мой верный единственный друг. Я аккуратно складываю все номера и прячу в гардеробе. Отчим с мамой раздавили, наверное, ни один пузырёчек. И тут он вспомнил обо мне.

– Архивы! Я их как-нибудь скоро начну бомбить!

– Обожрался! Что ты до неё ...!

– Да я про этого человека скоро книги начну писать! Как Чехов! И их напечатают, вот увидишь!

– Да кому ты ... нужен! У тебя на хлеб-то денег нет, ни то, что на публикации!

– Она ...! Архивы! Что она их тащит в дом!

– Да хобби у неё такое!

Я внимательнейшим образом читаю местную газету, жду в ней статью Сафронова. Он так на неё надеялся, так полагался, – что эта публикация всё изменит, и в фирме деньги сразу появятся. И я тоже в это верю, но боюсь, что он напишет про наши «общественные начала», и об этом узнают родители!

Но месяц прошёл, а статьи нет и нет. И я впервые обращаю внимание, что пишут одни и те же корреспонденты: Ольга Рожкова, Татьяна Фролова, Владимир Лобанов, Валентина Чеклина. Для чужаков, какого-то там выскочки Сафронова, в газете Администрации района, места нет. Только на плат-

ной основе.

И я осознаю, что никогда у Сафронова ничего не получится, раз не выходит такая мелочь. А я попала в огромную беду, в яму, каменный мешок, в ловушку, на крючок, в белорусское болото.

Конечно, они там считают, что победили! Что я, как милая, всё рассказала родителям.

Нет, я по доброй воле ничего не скажу. Они не помогут, будут только «пузырёчек давить».

Мне запахло им говорить.

В четырнадцать лет я тоже очень сильно провинилась, и мама тогда сказала: «А ты знаешь, что я могла бы тебя просто избить?»»

Заметки на полях 20 лет спустя

И сесть в тюрьму лет так на восемь. Если тяжкие телесные будут.

14 марта 1999, воскресенье

Я с детства люблю всё польское, чехословацкое, венгерское, – книги, мультфильмы, фильмы. Вот чех, писатель Вацлав Ржезач. Он не раскручен, как Карел Чапек или Ярослав Гашек, известен только отдельным эстетам вроде меня. И у пана Ржезача есть роман “Svedek” – «Свидетель» (так и хочется приписать – Иговы; *запрещённая в России экстремистская организация). Помню, как читала его в школе на химии. И есть там совершенно омерзительный персонаж – Эммануил Квист, пришелец в небольшом, выдуманном южночешском градце Бытень. И он так пуст, что принимает, как радиоприёмник, чужие чувства: ненависть, похоть...

Заметки на полях 20 лет спустя

Сейчас эту книгу записали бы в жанр «магического реализма».

* * *

А есть Константин Ушинский, я в детстве любила его рассказ про мальчика, по рассеянности отправившего бабушке в письме чистый листок. И поскольку конверт был пуст, то по дороге приставал ко всем письмам в почтовой карете.

И я как этот жуткий Эммануил Квист (хотя на него больше бухгалтер Курицын смахивает), и пустой конверт. У меня нет своей внутренней жизни.

И моя мама. Она живёт жизнью соседей и случайных прохожих. Подглядывает, подслушивает, распаривает чужие письма и аккуратно заклеивает.

Соседка из примыкающей однокомнатной забрала древнюю мать к себе, а квартиру сдала молодой паре, Жене и Вадиму. Я их ещё в январе напугала, и никакой отъём ключей мне не помеха. Позвонила, спросила Екатерину Максимовну.

– А она уехала к своей дочке, – приветливо сказала Женя.

– А я хотела квартиру снять.

И Женя сразу стала не злющей, а какой-то возмущённо

капризной:

– Сейчас мы снимаем!

Мама натирает мозоли на ушах о стену, смотрит в глазок.

Женя – приятная внешне молодая девушка, высокая, стройная, в красивом беретике-блинчике, из-под которого спускаются шикарные светлые волосы. А он – обыкновенный.

Как мама говорит, Женя мотается в Москву на рынок, где торгует платками, а муж (сожитель?) целый день дома. И вот мама как-то углядела, что его пришла обслужить малолетка со второго этажа. Женя вечером вернулась и закричала:

– Вадик, да как ты мог, у тебя здесь женщина была!!!

– Знала бы она, *кто* у него был! – сказала мама.

А это, вообще-то, статья.

И вот сегодня целый вечер для мамы была большая потеха: Женя не могла попасть домой. Видно, хозяйка, Люба, выдала им всего один комплект ключей на двоих, а Вадик спал сном праведника, или же предавался любовным утехам.

Мама прилипла к дверному глазку, где прекрасная Женя поднялась к окну.

– Плачет, – сообщила она.

Потом Женя вышла, и мама ждала, пока из квартиры выбежит маленькая шалава, но было тихо. Вадик, по ходу, просто спал.

Но, наконец, Женя добудилась.

– Открывай мне, ты, ...! – крикнула Женя.

И всё! Разочарование! Такие крепкие, мужские выражения!

Но Вадик сказал, что у него заел замок.

– Скидывай мне с балкона ключи!

В общем, домой она благополучно попала.

Заметки на полях 20 лет спустя

«Кто затыкает ухо своё от вопля бедного, тот и сам будет вопить, – и не будет услышан» (Притчи Соломоновы, 21:13).

14 марта 1999, воскресенье

Увидела на Чернобыле объявление, набранное на компьютере: «Найден серый пудель, девочка». И тут меня резануло: во вторник в Щёлкове-7 «пропал серый пудель»!

Жетонов у меня не было, и я опять пошла к Наташе. Всё равно надо книжку отдать.

– А её нет, уехала сегодня, – сказала бабка.

– Ой, а можно от вас позвонить?

– Пожалуйста, звоните. Сейчас свет включу.

Ответила мне какая-то экзальтированная интеллигентка.

Так и представлялись очки, каре светлых волос.

– Я по объявлению.

– Ой, ну наконец-то!

И чуть ли в ладоши не хлопает.

– Нет, знаете, я не хозяйка этого пуделя. Просто я видела объявление в Щёлкове-7, что пропал такой пудель.

– И где висит это объявление?!!

– Да я адрес помню...

– Надо записать... Значит, я туда съезжу... Спасибо вам большое!

– Да не за что.

Если это и вправду та самая собака, то она ещё и деньги получит!

Раиса Ивановна всё это время просидела сзади меня на

стуле. Я положила трубку. Она улыбалась.

– Наташе что передать, когда вернётся? Что вы заходили?

– Да. Большое спасибо за телефон.

15 марта 1999, понедельник

Самое страшное отчаяние – ночью. Я всё время плачу. Веки стали фиолетовыми, ресницы поседели от соли.

Я даже хотела пойти и броситься в ножки Лепёхиной, чтобы она разрешила мне ходить на работу, точнее, сидеть в этой комнате.

Полтора месяца я была счастлива на своей работе. Радовалась, что ни одного дня свободного. Всё переживала, что некогда навестить Бурундукову.

А сейчас этого времени – черпай ложкой.

16 марта 1999, вторник

Сегодня Бурундуковой исполняется девятнадцать лет. Я припасла для неё большую коробку конфет, «от благодарных пенсионеров», как говорит мама, и красный сборник произведений Владимира Набокова «Защита Лужина» и «Дар».

Открыла бабка:

– А её нету, у неё экзамен в колледже! Ой, да зачем же вы тратились!

Старую жабу душит жаба...

– Вы ведь сейчас на больничном?

– Да.

Никакого больничного у меня не было. Не скажешь же, что тебя не допускают к работе!

Нет ещё и половины пятого, а отчим пришёл с работы пьяный в лом. Они собирались в ванную смеситель покупать, да какой сейчас кран!

А я «плохо ем». Да не хочу я ваш суп, я вообще ничего не хочу!

– Я от тебя не отстану! Я пришёл тебя кормить!

Потом включил телевизор, сел на диван, задумался и сказал:

– Кто тебе в твои двадцать лет, что плохого сделал? Мне говорят мужики на «мерседесах»: «Твоя дочка мне нахамила». Что с тобой будет?

Заметки на полях 20 лет спустя

Одна беда всегда перетекает в другую.

17 марта 1999, среда

Вчера отчим всё-таки купил новый смеситель в ванную, но сам его ставить не умеет. Слесарь из домоуправления установил его за пять минут, но отчим взял на работе отгул и теперь весь день будет дома. И мне надо куда-то идти, будто на работу, а идти мне некуда.

19 марта 1999, пятница

Насморк я себе накликала, и провела две адские ночи. Лицо распухло, губы растянуло. Мама утром спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.